

**Национальная
и этническая идентичности
в историческом аспекте**

ХИЛХАНОВ Доржи Львович

*Доктор социологических наук,
профессор, проректор по научной работе
Восточно-Сибирского государственного института
культуры, г. Улан-Удэ, Россия.
Электронная почта: dorjikh@mail.ru.*

**National and Ethnic Identity
in the Historical Aspect**

Dorji L. HILHANOV

*Dr. Sci. (Social Structure, Social Institutes and Processes),
Prof., Vice-Rector for Academic Affairs,
East Siberian State Institute of Culture,
Ulan-Ude, Russia
E-mail: dorjikh@mail.ru*

Аннотация

В статье проанализированы исторические аспекты национальной и этнической идентичности бурят, которая рассматривается в русле процессов модернизации. Она затрагивает не только экономическую сферу, но также сопровождается изменениями системы ценностей у различных миноритарных этнических групп. Автор проследживает процесс самоидентификации бурятского этноса

и указывает на необходимость утверждения общероссийской гражданской идентичности. Она базируется на определении места России в геополитическом пространстве, на принципах цивилизационного развития, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. На основе изложенных фактов делается вывод о том, что конструирование политики по созданию привлекательного образа общенациональной идентичности осуществляется государством. В качестве наиболее эффективного регулятора общественного мнения в данном случае выступают средства массовой информации.

Ключевые слова: национальная идентичность, этническая идентичность, полиэтничное общество, экономическая модернизация

Abstract

The article analyzes the historical aspects of national and ethnic identity of the Buryat people, which is considered in line with the processes of modernization. It affects not only the economic sphere, but also accompanied by changes in the system of values among different minority ethnic groups. The author traces the process of self-identification of the Buryat nation and indicates the need for approval of the all-Russian civic identity. It is based on the definition of Russia's place in the geopolitical space, on the principles of civilization development, on the representations of the resources of the country, its achievements in culture, historical commonality. On the basis of these facts, it is concluded that the design of policies to create an attractive image of national identity must be implement by the state. As the most effective regulator of public opinion in this case are the media.

Keywords: national identity, ethnic identity, multi-ethnic society, economic modernization.

В историческом аспекте национальная идентичность является политической (гражданской), а не этнолингвистической. Именно так дело обстоит в странах Западной Европы. В силу целого ряда исторических факторов на Западе сформировалась сильная государственная власть, которая регулирует и управляет всеми сферами общественной жизни, в том числе и этнонациональной. Однако в Восточной Европе и на территории бывшего СССР бытует представление о том, что нацию формируют прежде всего этнические и культурные факторы (общий язык, традиции, обычаи, религия и т. д.).

Следует отметить, что и во Франции, и на Британских островах, в Испании и Бельгии продолжают существовать такие малые этнические группы или народности, как провансальцы и бретонцы, уэльсцы и шотландцы, баски и каталонцы, валлоны и фламандцы, которые пытаются не смешиваться и не ассимилироваться. Ярким подтверждением этих процессов стали референдумы о признании независимости в Шотландии и Каталонии в 2014 г.

Можно даже вести речь об этническом возрождении этносов в составе наций-государств: все больше организовываются периодическая печать и телевизионные сети на родных языках, открываются школы, нередко раздаются политические требования по расширению автономных прав и т. д.

История демонстрирует массу других примеров этнического возрождения и наличия разграничения между

национальной (гражданской) и этнической (культурной) идентичностью. Этническая идентичность демонстрирует и свою живучесть, активность, силу в ситуациях общественно-политических изменений. Так, например, идеалом современных космополитов является политика «плавильного котла», распространенная в США в 20–50-е гг. XX в., когда наличие этнического самосознания считалось признаком недостаточной интегрированности в американское общество. Однако в дальнейшем оказалось, что целый ряд этнических групп упорно не ассимилируется и не интегрируется в единую американскую нацию-государство: прежде всего выходцы из Юго-Восточной Азии, а также латиноамериканцы. Теоретическое осмысление этого феномена привело в американской науке и политической практике к парадигмальному сдвигу от концепции «плавильного котла» к концепции «этнического салата» в описании американского полиэтничного общества. Тенденция создания пестрого культурного сообщества вместо однородного сплава национальностей, рас и религий получила название мультикультурализма. Это означает, по мнению С. Хантингтона, что этническая идентичность приобрела большую значимость для людей, чем национальная.

Современные исследователи утверждают, что этническая идентичность устойчива, несмотря на процессы модернизации, характерные для индустриальных обществ. В зарубежных теориях взаимодействие общенациональной и этнической идентичности рассматривается посредством выделения мажоритарной и миноритарной этнических групп, которые компактно проживают на определенной территории [3]. Данная модель, на наш взгляд, может быть применима и для исследования национальных процессов в условиях трансформации российского общества. Ма-

жоритарная этническая группа обладает политической властью, которую она использует для распространения своего экономического и культурного влияния. Миноритарная этническая группа (национальные меньшинства) находится под постоянным влиянием мажоритарной, которое выражается в процессах экономической и культурной модернизации.

Под модернизацией исследователи обычно понимают трансформацию и постепенное упразднение традиционного общественного устройства. Как известно, европейские государства в их современном виде, появились как следствие индустриальных революций XIX в., которые привели к созданию общенациональных экономических систем. Процессы экономической модернизации разрушали культурную изоляцию миноритарных групп. Государство всегда заинтересовано в создании устойчивой национальной идентичности у всех членов общества, так как это является условием его стабильного развития. Соответственно ценностно-нормативная система у миноритарных групп подвергается соответствующим изменениям, посредством внедрения общенациональной системы образования, созданием общенациональных средств массовой информации, господством идеологии большинства и т. д. Тем не менее, история и современность доказывают устойчивость «этнической оппозиции» в многонациональных государствах, когда миноритарные группы актуализируют свою этническую идентичность или откровенно противодействуют системе господствующих ценностей. Как правило, причину такого поведения исследователи видят в географической, культурной и экономической изоляции миноритарных групп. Согласно принципу диффузии, усиление коммуникации между социальными группами

неизбежно приводит к нивелированию значения культурных различий и возникновению культурной интеграции. Эмиль Дюркгейм обсуждал эффект роста межкультурных взаимодействий как аналог физического процесса диффузии. Антропологической версией этого предположения является процесс аккультурации в сфере межгрупповых отношений. Аккультурация происходит, когда группы индивидуумов, имеющих различные культуры, входят в непосредственный контакт друг с другом, следствием чего являются изменения в культурах одной или обеих групп. Процесс аккультурации сопровождается целенаправленной политикой государства по укреплению общенациональной идентичности.

При анализе национальных процессов в России, следует учитывать тот факт, что экономическая модернизация осуществлялась на национальных окраинах только начиная с рубежа XIX—XX вв., и была ограничена по своим масштабам. Именно этот период, исследователи отмечают, как время окончательного оформления этнической идентичности у целого ряда этносов Российской империи. Как правило, процессы модернизации, разрушая традиционный хозяйственный, социальный и культурный уклад национальных меньшинств, воспринимаются с их стороны в негативном аспекте. Процесс складывания этнической идентичности именно у бурят начинается с момента вхождения в состав России, и установления российской государственной границы с Монголией и Китаем. Естественно, что в XVIII в., понятие границы для кочевников было весьма условным, но сам факт принятия российского гражданства и соответственно, исполнения ряда государственных повинностей, не мог не сказаться на самоидентификации бурят. Это время является началом

формирования их идентичности отличной от остального монгольского мира, который в тот период находился под политическим влиянием Китайской империи. Понятно, что это отличие являлось минимальным и не было реализовано посредством основных маркеров: культуры, языка, религии, психологии.

Как считают исследователи, процесс конструирования этнической идентичности у бурят начинается в XIX в., и проявлением этого процесса является создание первых бурятских летописей. В течение XIX в. колониационная политика России по заселению Прибайкалья и Забайкалья, способствовала увеличению притока переселенцев в эти районы из центральных регионов. Суровый климат в регионе способствовал развитию исключительно экстенсивного сельского хозяйства. При этом количество земель, пригодных для земледелия и кочевого скотоводства было ограниченным в силу специфического ландшафта (большие территории были заняты тайгой и гористой местностью). Все эти факторы в совокупности, создавали и создают сегодня достаточно трудные условия для развития эффективного и, по-настоящему доходного, сельского хозяйства.

К концу XIX в., увеличение количества населения, занятого взаимоисключающими видами сельскохозяйственного производства, привело неизбежно к земельному кризису и возникновению чересполосицы, которая как правило приводила к конфликтам. Значительные экономические, социальные, политические, культурные изменения в общественной жизни России этого периода обусловили включение бурят в этот процесс и, соответственно, их социокультурную модернизацию. Ослабление социальных связей, разложение символической системы

традиционной культуры стали результатом этого процесса. Включение бурят в процесс модернизации вызвало к жизни новые социальные практики и активизировало деятельность бурятской интеллектуальной элиты по конструированию идентичностей (подобные процессы происходили и в других регионах Российской империи, так например, именно в данный период, активно развивалось татарское пантюркистское движение). Именно в конце XIX-начале XX вв., в среде бурятской интеллигенции возникают дискуссии о роли и значении этнической идентичности в условиях быстрого общественного прогресса. Эти дискуссии привели к процессам национально-культурного возрождения, и консолидации нации вокруг определенных этнополитических идей.

Сознательное конструирование этнической идентичности было вызвано, в первую очередь, социально-экономическими факторами (или социально-экономической конкуренцией) и проявлялось через конкурентные этнополитические отношения. Формирование «Другого» у бурятского населения происходило в условиях растущих контактов с пришлым, преимущественно русским населением. Если в начале этих контактов, в XVII веке, эти взаимоотношения носили часто негативный характер, то в дальнейшем они строились на основе взаимовыгодного сотрудничества. В конце XIX — начале XX вв., именно земельный кризис вызвал обострение национального вопроса и как следствие актуализацию этнической идентичности.

Исследователи бурятской этничности, на основании анализа летописей и хроник, выделяют шесть уровней самоидентификации у бурят в дореволюционный период: 1) родовой; 2) племенной; 3) комплекс представлений об еди-

ной общности, обозначаемой этнонимом бурят; 4) таксон бурят-монголы, который подчеркивал их единство с монгольским миром; 5) принадлежность к буддийской цивилизации; 6) осознание себя частью Российской империи, т. е. российский [1].

По своей социальной значимости наиболее важным уровнем самоидентификации традиционно являлся родовой. Как отмечает Т. Д. Скрынникова, вербальные источники актуализировали в первую очередь именно родовую принадлежность. Она вписывала индивидуума в конкретный социокультурный контекст и определяла основные параметры его бытия. Следует заметить, что в сохранении родовой структуры среди бурят с самого начала была заинтересована и российская власть. Так, «Инструкцией пограничным дозорщикам», составленной Саввой Владиславичем-Рагузинским 22 июня 1728 г., предусматривалось, что каждый бурят должен причисляться к какому-либо роду без права перехода в другой. Политика укрепления родового начала у бурят продолжилась и введением родового управления в 1822 г.

С другой стороны, не следует забывать, что традиционное родовое устройство по характеру собственности напоминает русскую общину, в сохранении которой российское государство также преуспело. Все покосные угодья традиционно находились в родовой (общинной) собственности, и каждому кочевнику выделялись определенные наделы (паи). Таким образом, родовое землепользование аналогично принципам устройства русской общины, где вся пашенная земля находилась также в общинном пользовании. Можно сказать, что род у бурят являлся в первую очередь явлением социально-экономического и административного характера, особенности которого формиро-

вали определенные культурные черты. Родовая принадлежность остается актуальной и сегодня, что косвенно подтверждается активным развитием территориальных землячеств в г. Улан-Удэ.

Кроме того уже существовало идентификационное разделение бурят на западных и восточных, чему способствовала политика Российского правительства. С включением территорий проживания бурят в Российскую империю и установлением границ между Россией, Монголией и Китаем, группы, впоследствии составившие бурятский этнос, административно были включены в два разных генерал-губернаторства, что закрепило существовавшие различия. Административное разделение несло в себе и культурные различия: восточные буряты, частично являвшиеся выходцами из Монголии, восприняли буддизм, а с ним монгольскую письменность и буддийскую культуру через дацаны — центры образования, тогда как в западнобурятской среде (Предбайкалье) при отсутствии своей письменности через расширение сети как церковно-приходских, так и светских школ внедрялась русская грамотность, а через церкви и монастыри — православие, монгольское же письмо, как и буддизм, не получило широкого распространения.

В XX в. отмечают еще два уровня самоидентификации: региональный, в котором буряты называют себя сибиряками, и глобальный, когда буряты воспринимают себя как часть человечества.

Таким образом, исследователи выделяют достаточно сложную традиционную систему самоидентификации у бурят. В XXI в. эта система изменилась кардинальным образом. В целом, потеряла свою актуальность родовая принадлежность, которая в определенном смысле заменилась сегодня

порайонной (буряты закаменские, тункинские, джидинские и др.). Этноплеменная принадлежность в свою очередь заменилась разделением бурят на восточных и западных (наблюдается ощутимая разница в языковых диалектах, религиозной принадлежности, особенностях исполнения традиций и т. д.). Дореволюционное территориально-административное разделение бурят в советский период закрепились в более кардинальной форме. Период атеистического воспитания привел к падению роли религии в обществе (в период модернизации религиозное влияние обычно усиливается). Религия, сегодня, на наш взгляд, не является в достаточно степени этноконсолидирующим признаком, а скорее заметным этнодифференцирующим маркером.

В современный период времени, в эпоху кардинальной модернизации общества, этническая идентичность является наиболее привлекательной, в силу своей устойчивости и определенности. При этом сохраняют свое значение и российская идентичность.

Россиянами чаще себя идентифицируют люди в молодом и среднем возрасте. Это понятно: люди старшего поколения еще нередко чувствуют себя гражданами СССР. Иное молодежь, сформировавшаяся в 80–90-е гг., для которых СССР уже история и воспоминания родителей. Среди тех, кто имеют российскую идентичность (сравниваются с теми, кто ее не имеет или выбирает местную), чуть больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе улучшилось, кто выбирает позицию «жить трудно, но можно терпеть» и «все не так плохо и жить можно».

У национальностей, дающих название республикам, чаще фиксируется двоякая идентичность. Например, среди татар, больше чувствующих себя татарстанцами,

почти 50% ощущают себя также и россиянами, а четверть вообще чувствуют себя в равной мере татарстанцами и россиянами [2]. К тому же те люди, которые имели слабую государственную идентичность или не имели ее совсем, не обязательно сепаратисты или враждебно настроены к государству. Их этническая или республиканская идентичность могла быть ближе им по культурным, этическим параметрам и, что, видимо, особенно важно, по их непосредственным интересам.

В том, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений. Исследователи отмечают, что когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности не противопоставляет, не исключает, а способно дополнять друг друга. Это дает основание говорить о концептуальной совместимости этих идентичностей. Для того чтобы эта совместимость реализовалась на практике, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В России, где русское население составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно это обязывает общероссийскую идентичность стать привлекательной для других народов России, соответствовать также и их интересам.

Как правило, конструирование политики по созданию привлекательного образа общенациональной идентичности осуществляется государством, и в качестве наиболее эффективного регулятора общественного мнения по данной проблеме выступают средства массовой информации. Формирование мировоззрения осуществляется во многом посредством определенных дискурсивных практик, являющихся частью современных политических процессов.

Использованная литература:

1. Варнавский П. К., Дырхеева Г. А., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX — первая треть XX вв.). Иркутск: Отгиск, 2003. С. 25–35.
2. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2002 / под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002. С. 213–244.
3. Hechter M. Towards a theory of ethnic change // Social Stratification / Ed. David B. Grusky. San Francisco, 1994. P. 489–495.